

Всех. Круг. - 1987. - 10 мая. - с. 5.

Костик вернулся к Покровским воротам

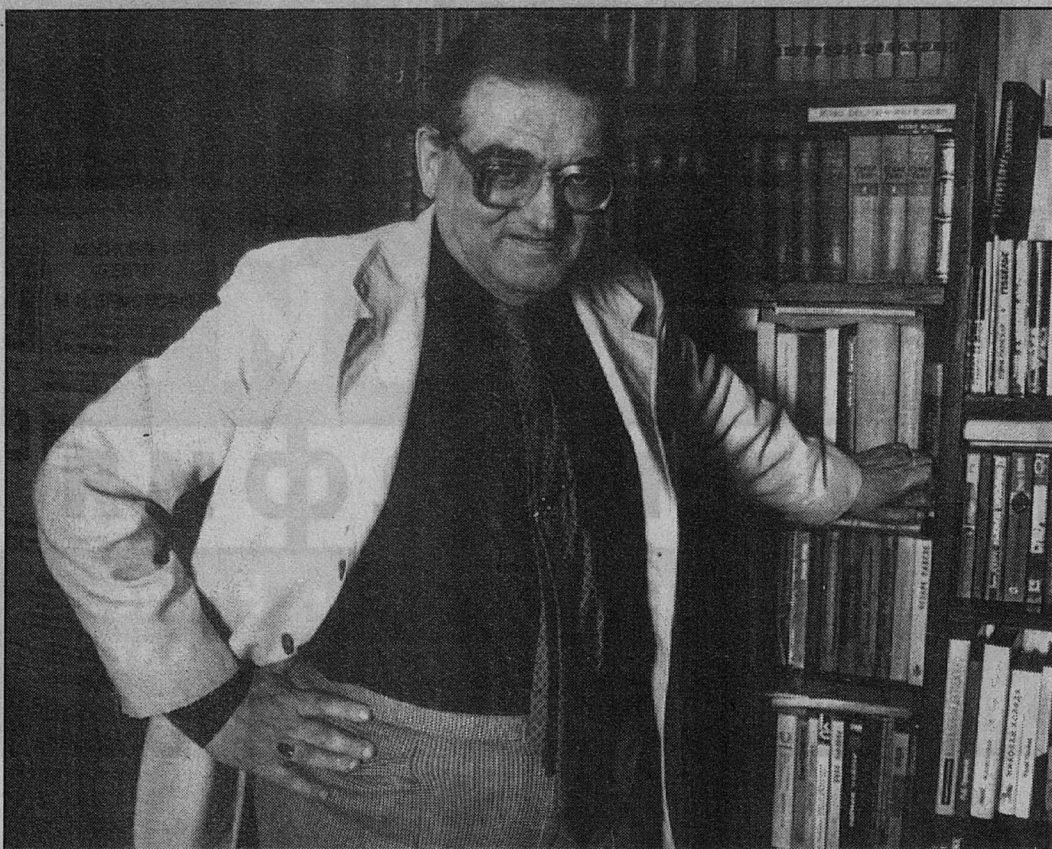

ФОТО ИГОРЯ ИВАНДИКОВА

бываются на сцену, но вас можно по-прежнему считать бальном театра. Только в Москве идет сейчас, если не ошибаюсь, пять ваших пьес.

По нынешним временам такое присутствие одного драматурга на столичной афише, конечно же, необычно. Больше количество было у меня лишь однажды, ровно тридцать лет назад — семь названий.

— ...Среди них — «Варшавская мелодия», недавно вернувшаяся к московской публике в новой постановке пушкинцев. Двадцать лет не сходит с моссоватовской сцены «Царская охота». В Ермоловском театре вновь идет ее ровесница — «Измена». В чем причина долгожительства ваших давних пьес?

— Любый ответ, по-моему, прозвучит нескромно. Но я бы очень хотел, чтобы эти спектакли оживили интерес театров и зрителей к лучшим пьесам прошлых лет, к драматургам старшего поколения. И это, кажется, уже происходит. Появляется Арбузов, на Малой Бронной состоялась премьера «Пяти вечеров» любимого мной Александра Володина.

— А что, по-вашему, происходит в молодой драматургии?

— Я не очень хорошо с ней знаком, чтобы делать какие-то выводы, называть имена. Хотелось бы посоветовать молодым авторам больше следить за языком, не увлекаться современным жаргоном. Жаргон — дело сиюминутное, изменчивое, быстро преходящее. То, что звучит сегодня, завтра будет попросту непонятно. И еще — помнить, что пьеса пишется для театра, для публики, и без нее не живет. У кинематографистов есть понятие — «фильм для Дома кино». Новые пьесы тоже часто кажутся мне написанными «для своего круга». Хорошо бы разомкнуть этот круг.

— Будучи признанным драматургом, вы уже в весьма зрелом возрасте всерьез занялись прозой. Почему?

— Мне стало вдруг тесно в рамках пьесы. Возникла потребность субъективного, исповедального высказывания. Не всегда ведь доверишь сцени-

ческому персонажу свою любимую, выношенную мысль. Еще одно: замучила театральная цензура. Пьесу нельзя писать «в стол». Значит, надо оглядываться, искать обход. И тогда я решил переделать свою жизнь. Пять лет держал паузу, писал только прозу, роман «Странник». Потом, конечно, вернулся к драматургии, но прозу уже не бросал. Только что окончил новую повесть — «Тень слова». Это завершение цикла, связанного с моим лирическим героем Костиком Роминым, которого вы, наверное, помните по «Покровским воротам». Повесть будет напечатана в «Знамени» к осени. Тогда же надеюсь увидеть долгожданную свою «Авансцену (Записки драматурга)». Некоторые главы публиковались в журналах, книгу выпускает издательство «Слово».

— Совсем еще недавно, лет десять назад, писатели и драматурги были состоятельными, по советским меркам, богатыми людьми. Теперь ситуация в корне изменилась. Как это отразилось на вас?

— Во-первых, состоятельных было не так много. Большинство имело довольно скромные средства. Но компенсацией для них служил исключительно высокий престиж писательского труда, общественный статус литератора. Мое нынешнее положение, разумеется, не идет в сравнение с прежним. В материальном плане я потерял очень много. Однако жаловаться на жизнь не могу и не хочу. Более того, никогда я не чувствовал себя таким счастливым, сидя за письменным столом. Пишу то, что думаю, и так, как считаю нужным. Завидую молодым — они не знают тех унижений, которые вытерпели мы. Нами правила ограниченные, малограмотные, самодовольные люди. В одном им не откажешь. Они имели безошибочное чутье на самое лучшее в искусстве. И это лучшее вычеркивали, запрещали. Теперь передо мной только творческие трудности.

Беседовал
Андрей ВОЛЧАНСКИЙ.

Драматургия наша переживает не лучшие времена. Но, видимо, не самые плохие. Совсем недавно, к примеру, завершился Всероссийский конкурс на лучшую пьесу, посвященную 850-летию Москвы. Организовали его журнал «Современная драматургия» и Фонд развития и поощрения драматургии вместе со столичным Комитетом по культуре, Министерством культуры России и «Мост-Банком», выступавшим также в роли генерального спонсора. Дипломами и премиями награждены восемь авторов. Наш сегодняшний собеседник Леонид Зорин — самый известный, самый маститый из лауреатов. Полвека творческого труда, сорок три пьесы, поставленные едва ли не всеми театрами страны и на многих зарубежных сценах, полтора десятка киносценариев, шесть томов художественной прозы. Слава, успех, аплодисменты, премии...

— Должен вас разочаровать — премий у меня почти не было. Это решали власти, а они меня не очень-то любили. Лет двадцать назад мой «Незнакомец» был отмечен наградой Всесоюзного конкурса на лучшую комедию. Что-то, уже не помню, получил за «Прощание». Постановка «Цитаты» в Театре Мос-

совета выдвигалась на Госпремию. Удачно была работа режиссера Павла Хомского, блестяще играл главную роль покойный ныне Леонид Марков. Но премию так и не дали. Я отношусь к таким вещам более чем спокойно. Лучше быть в стороне от всякой суеты. Хотя, не скрою, бывает приятно, если

твою работу высоко оценивают коллеги, люди искусства. Так произошло сейчас с комедией «Лузган», так было и в позапрошлом году, когда моя пьеса «Московское гнездо» удостоилась награды первого Всероссийского конкурса драматургов.

— Пьесы современных российских авторов с трудом про-